

Такие же, как мы

Стив Дьюно

**СОБАКА,
КОТОРАЯ
СПУСТИЛАСЬ
С ХОЛМА**

Незабываемая история Лу,
лучшего друга и героя



Москва
АСТ
Кладезь

УДК 636.7
ББК 46.73
Д92

Серия книг «ТАКИЕ ЖЕ, КАК МЫ»

Это невымышленные истории о людях и их собаках, которые коренным образом изменили судьбы своих хозяев к лучшему. Это истории о приключениях и работе, о шалостях и героизме, о доброте и благородстве и конечно же о дружбе. О дружбе людей и собак.

О дружбе, во многом благодаря которой мы смогли выжить в жестокой борьбе за существование в первобытном мире. Помогая друг другу выжить, мы вместе прорвались сквозь толщу тысячелетий и лучше узнали друг друга.

В наш удаляющийся от природы технотронный век виртуальной реальности и стрессов они по-прежнему помогают нам. А мы им. Потому что они такие же, как мы.

Читая эти книги, вы будете улыбаться и удивляться, смеяться и, возможно, плакать, опять улыбаться и восхищаться, вы будете сопереживать, и ни в коем случае не останетесь равнодушными. Не останутся равнодушными также ваши дети и внуки, за которыми будущее. Будущее, в котором им будут помогать жить и оставаться людьми такие же, как мы.

Steve Duno

**LAST DOG ON THE HILL:
THE EXTRAORDINARY LIFE OF LOU**

*Печатается с разрешения издательства St. Martin's Press, LLC
и литературного агентства Nova Littera SIA*

Перевод *Н. Баулиной*

Все права защищены.

Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена или использована в какой-либо форме, включая электронную, фотокопирование, магнитную запись или какие-либо иные способы хранения и воспроизведения информации, без предварительного письменного разрешения правообладателя.

Дьюно, Стив.

Д92 Собака, которая спустилась с холма. Незабываемая история Лу, лучшего друга и героя / Стив Дьюно; пер. с англ. Н. Баулиной. — Москва : АСТ : Кладезь, 2015. — 320 с. — (Такие же, как мы).

Когда Стив Дьюно взял домой щенка — отошавшего, искусанного блохами найденныша с обочины дороги в Калифорнии, — он и представить не мог, как изменится вся его жизнь. Лу, так он назвал своего пса, оказался наделен неисчерпаемой энергией, преданностью и любовью к приключениям.

Лу совершил множество подвигов, он противостоял вооруженным грабителям и в одиночку задержал насильника. Но, главное, благодаря ему, Стив всерьез увлекся изучением поведения животных. Вместе с Лу они занимались перевоспитанием агрессивных собак и спасли сотни животных, которых иначе ожидало бы усыпление.

Лу знал больше сотни слов, и, вне всяких сомнений, он был очень умен. Но также — и это самое главное — он был забавным, неповторимым, героическим и, на протяжении

УДК 636.7

ББК 46.73

ISBN 978-5-17-084881-2

© 2010 by Steve Duno

© ООО «Издательство АСТ»

ИЗ ОТЗЫВОВ О КНИГЕ

«Стив Дьюно описывает Лу и себя самого так: «Не собака и не человек, просто семья». Любой, кто любил когда-нибудь так же сильно, всем сердцем, захочет прочесть эту книгу. Она непредсказуемая, увлекательная, забавная... как сам Лу».

Моника Хэлоуэй, автор книги «Ковбой и Уиллс: история любви»

«Множество рассказов и свидетельств доказывают без тени сомнения, что собака – лучший друг человека. То, что выделяет эту историю среди прочих, – это Лу, судьбой предназначенный для суровой и ничем не примечательной жизни. Но случилось так, что Лу и Стив нашли друг друга. Жизнь Лу при Стиве оказалась интереснее и богаче, но гораздо больше изменилась жизнь самого Стива и всех остальных, кому повезло узнать этого прекрасного пса».

Нуала Гарднер, автор книги «Друг Генри: удивительная и правдивая история мальчика-аутиста и собаки, открывшей для него мир»

«Эта книга заставит вас мечтать о единственной и неповторимой суперсобаке, способной изменить вашу жизнь. Каждому хотелось бы иметь такого пса, как Лу».

Гарт Стейн, автор книги «Искусство бега под дождем»

«История о героической собаке, рассказанная Стивеном Дьюно, вдохновляет и трогает до глубины души. Ее невозможно забыть».

Мэнди Стадтмиллер, газета «Нью-Йорк пост»

Посвящается WTC, № 93 и D.C.

*«Пусть Энкиду идет перед тобою, —
Он знает дорогу к кедровому лесу...»
Таблица III*

Эпос о Гильгамеше

ПРЕДИСЛОВИЕ



Последним, что съел Лу перед смертью, был кусок вырезки. Ходить он уже не мог, но от еды все равно не отказывался. Этот пес всегда ценил радости жизни и сжимал в зубах кусок сырого мяса, как настоящее сокровище. Пища священна: ешь даже через боль — таков собачий закон.

Он прожил шестнадцать лет, сражался с койотами и похитителями детей, смешил детишек и приносил радость старикам и больным. Он ловил насильников, задерживал грабителей, украшал собою книжные обложки, обучал детишек языку жестов и мочился на рыцарей в сверкающих доспехах. Ум и таланты Лу изменили всю мою жизнь и привели в итоге к тому, что сейчас я сижу и пишу эту книгу, которая посвящена ему. Он танцевал с волками, пас овец, зачаровывал змей и знаменитостей, выигрывал состязания, покорял вершины, попадал в плен и знал больше слов, чем многие люди. Лу по-

новому объяснил мне, что означает быть собакой и быть героем. Прошло четыре года, а я все еще помню, как от него пахло, как звякал его ошейник, как выглядела его миска с изображениями кинозвезд. Лу заслужил свою вырезку тысячу раз. Я скучаю по нему так, что это невозможно выразить словами.

За двадцать лет работы инструктором и специалистом по поведению домашних животных я видел тысячи собак: лабрадоров с добродушным взглядом, терьеров, вечно стремящихся кому-то что-то доказать, итальянских левреток на тоненьких лапах-спичках. Пугливых собак, задумчивых, трусоватых, прожорливых, голосистых, героических, спортивных, ленивых — я знал очень многих. Но такого, как Лу, не встречал ни разу: у этой собаки была душа.

Он был родом из леса, и именно там, подобно родоначальникам самых первых псов, познал науку выживания. Мне нередко казалось, что Лу со скрытым пренебрежением относится к домашним собакам, которые встречались ему на пути: глуповатым и эгоистичным, не способным постоять за себя, никогда не ведавшим жизненных тягот и не знающим, чего они стоят на самом деле. Впрочем, если и так, Лу был вежливым псом и никогда этого не выказывал.

Я забрал его из семьи, оттуда, где был его первый дом, и хотя я всегда знал, что поступил правильно, меня не отпускала мысль, что в глубине души он по ним скучает и временами спрашивает себя, не допустил ли ошибку, поддавшись своим чувствам точно так же, как поддался им я.

Но если он что-то и потерял, то нам он дал в тысячу раз больше. Спросите любого, кто знал его хотя бы двадцать секунд: всем хотелось, чтобы он оставался рядом как можно дольше и смотрел на них своими выразительными глазами. Он был настоящим сказочным псом, а не какой-то беспородной шавкой, подобранной на обочине в Калифорнии.

И хотя я написал немало книг о животных, сейчас я отложу в сторону все наставления и просто попытаюсь написать о совершенно необычной собаке, которая изменила жизнь очень многих людей. Он был моим лучшим другом, с его по-

*Собака, которая спустилась с холма.
Незабываемая история Лу, лучшего друга и героя*

мощью я написал восемнадцать книг и множество журнальных статей. Лу проделал очень долгий жизненный путь, он обладал талантами, задором и способностью мыслить. Было видно, как вертятся шестеренки у него в голове, как он задумывается, взвешивает, решает. Лу был мыслителем. С такими псами любят работать дрессировщики. Он мог бы стать кинозвездой, солдатом, учителем, судьей — кем угодно, если бы захотел и родился он двуногим прямоходящим. Но он и без того ухитрился повлиять на многих, очень многих людей. Это его история и отчасти моя тоже. История настоящего героя.



1

Ротвейлеры, сбитый олень и собачья банда



Черная жесткая шерсть и клубы подшерстка валялись повсюду по квартире, они, как призраки, то и дело попадали в поле зрения. Черная шерсть ничем не пахла, а вот подшерсток еще хранил запах, и временами я принимался, и тогда мне казалось, мы с ним снова оказались в горах и слушаем, как перекликаются совы и койоты или мыши скребутся у входа в палатку. После смерти он продолжал говорить со мной так, чтобы я его понимал. Его запах, исходящий от ковра, взывал не к сознанию, а напрямую к сердцу, пробуждая воспоминания.

Самое страшное, что может произойти с хозяином собаки, случается именно потому, что мы любим их, как своих детей. Народная мудрость гласит, что нет ничего хуже для родителей, чем похоронить дочь или сына, но именно это приходится делать владельцам собак, и не однократно, а раз за разом, всю жизнь. Для домашних питомцев мы остаемся неизменными с момента их рождения и до могилы, но сами они занимают в нашем существовании лишь краткий отрезок. Они сгорают, как свечи, и хотя мы знаем, что одна собака никогда не заменит другую, мы делаем попытки вновь и вновь, в надежде вернуть одного из тех великолепных псов, которые были у нас в прошлом. Нет, конечно же они нам не дети. Но такие собаки, как Лу, стоят где-то рядом. Неимоверно близко.

Калифорнийская трасса номер 101 уходит к северу, в направлении городка под названием Уиллитс, в округе Мендосино. Это край виноградников и быстрых прохладных рек, тут была похоронена знаменитая скаковая лошадь по кличке Фаворит, и здесь же мне довелось отыскать Лу, лучшего пса, какого я знал.

В 1986 году я получил диплом преподавателя, после чего загрузил все свое барахло в потрепанную «хонду» и двинулся в Лос-Анджелес, в надежде, что жизнь там окажется яркой и интересной. Я с детства любил животных. Еще когда мы ютились в крохотной квартирке с братом и родителями, я умолял купить мне собаку, но получил всего лишь голубого волнистого попугайчика по кличке Щелчок, вечно недовольного всем на свете и обладавшего поразительным талантом выбираться из клетки, а потом пикировать нам на голову и возмущенно вопить.

В Лос-Анджелесе я запоем поглощал книжки о разведении и воспитании собак, а также журналы о животных и даже стал считать себя авторитетом в этой области. Я был уверен, что готов обзавестись собакой по своему выбору. Но судьба решила по-своему, и это изменило не только мою жизнь, но и жизнь многих других людей.

Мы с моей подружкой Нэнси в декабре взяли пару дней отпуска, загрузили вещи в машину и поехали в Северную Калифорнию по трассе 101. На побережье стояла отличная погода, мы ехали не торопясь, то и дело сворачивая в сторону океана, чтобы полюбоваться пейзажами.

К северу от городка Юкайя, в округе Мендосино, дорога начала петлять среди холмов. На середине очередного поворота мы заметили каких-то мохнатых зверьков, мчавшихся вверх по поросшему травой склону.

— Там щенята! — воскликнула Нэнси. Мы свернули на широкую обочину и вышли из машины.

На вершине холма под деревьями виднелось с полдюжины собак, некрупных, темношерстных, по виду пастушьих (овчарок). Они тяжело дышали на солнцепеке, и даже снизу было видно, какие у них белоснежные зубы.

— Им месяцев пять, полгода от силы, — заметил я и только сейчас углядел в траве пса, который был гораздо крупнее. Это был огромный ротвейлер. Черная с подпалинами шерсть была измазана грязью, в зубах он сжимал голову мертвого оленя, суя по всему, сбитого машиной.

— Не подходи к нему, — предупредил я Нэнси. Череп оленя хрустнул в мощных челюстях.

— И не подумай, — ответила Нэнси. Ее заинтересовали щенки, куда более поджарые и темные, с примесью овчарки.

Ротвейлер задумчиво грыз добычу и поглядывал на нас.

Щенки тем временем, последовав за матерью, устремились прочь и уже почти скрылись за деревьями. Я негромко присвистнул, просто чтобы посмотреть, что будет. Собаки бросились врассыпную — все, кроме одной. Оставшийся на холме щенок застыл, глядя вниз, на дорогу, а затем внезапно сложил голову устремился к нам, как если бы он нас узнал.

Он был больше похож на ротвейлера, чем его братья и сестры, — такой же черно-подпалый, как отец, только поменьше.словно герой диснеевского мультфильма, шустрый щенок затормозил прямо перед нами, почти по стойке смирно, и уставился на меня в упор. Это был Лу.

*Собака, которая спустилась с холма.
Незабываемая история Лу, лучшего друга и героя*

Все те, кому посчастливилось хоть раз в жизни увидеть Лу воочию, в один голос отмечали, насколько у него проникновенный и добрый взгляд. Но сейчас передо мной сидел пес, явно не отличавшийся доброжелательностью. В возрасте полугода он уже мог похвастать незаживающей рваной раной на горле и клешнями по всему телу и на морде. Раздувшиеся насекомые висели на нем, как рождественские украшения, даже в уголках глаз и пасти, а также в носу и в ушах.

— Он болен, — сказал я, — и посмотри на шею.

— Лучше в глаза ему взгляни, — возразила Нэнси с улыбкой. — Он просто чудо.

Лу посмотрел на меня и вопросительно рыкнул.

— Рана воспаленная, и мы вообще о нем ничего не знаем.

— Да ты глянь на него, — повторила она. — Какие глаза.

Я ощутил горячее дыхание Лу на ладони. По дороге со свистом проносились машины, в стороне отец Лу с хрустом грыз оленью голову.

Я потрепал его по голове. Он смотрел на меня, как на мать Терезу. С затылка врассыпную бросились блохи, прыгая мне по пальцам.

Пока я стоял и гадал, что делать, проезжавший мимо тупоносый грузовик, тащивший свежеспиленные бревна, ударил по тормозам и тоже съехал на обочину, на другой стороне от нас. Из кабины выбрался тощий парень в джинсах и грязной белой футболке. Шоссе он переходил так неспешно, точно на ногах у него были колодки.

— Старшой — ваш? — спросил он, указывая на ротвейлера сигаретой в дрожащей руке. Кажется, за рулем он пробыл уже очень долго.

— Старшой? — переспросил я, не уверенный, что разобрал акцент.

— Старшой, вон, оленя ест. — Он покачивался на пятках.



*Ротвейлеры, сбитый олень
и собачья банда*

Ротвейлер, не выпуская из пасти добычу, покосился на дальнобойщика. Вид у пса был задумчивый и невозмутимый, и это давало намек на то, каким может вырасти его сын. Я помню, еще подумал в тот момент, что такой пес способен нас всех прикончить без особого труда, а потом вернуться к прерванной трапезе. Ничего подобного он, разумеется, не сделал: просто смерил взглядом водителя и продолжил жевать.

— Там их целая стая, умчались наверх по склону, — пояснил я.

— Отличная псина для грузовика.

— Вот уж не знаю. — Я представил, как ротвейлер перекусывает шуплого дальнобойщика пополам.

— Пожалуй, я его заберу.

— А может, не стоит? — возразила Нэнси.

— Собаки меня любят.

Но прежде чем водитель успел самоубиться об ротвейлера, рядом с нами затормозил пикап, оттуда выбрался круглолицый рейнджер в ковбойской шляпе и направился к нам.

— Привет, ребята, — поздоровался он, не своя взглядом с ротвейлера и оленя.

— Пристрелишь? — спросил дальнобойщик.

Ротвейлер отпустил добычу и стряхнул слюну с черных мягких губ.

— Нет. Если бы это он прикончил оленя, тогда бы пришлось. Но белолагу сбили вчера на дороге. Я еще с ночи тушу приметил.

— Р-р, — сказал Лу.

— Вы бы убили собаку за то, что она завалила оленя? — удивился я.

— Бродячих псов, которые охотятся на дичь, положено уничтожать. — По виду он не был похож на человека, способного застрелить пса.



— А он чей? — поинтересовался водитель, отряхивая башмаки от грязи и аккуратно продвигаясь в сторону ротвейлера.

— Этот здоровяк и овчарка охраняют посадки марихуаны по ту сторону холма. Сейчас-то стеречь особо нечего, вот и шляются по округе, еду ищут.

— Посадки марихуаны? — переспросила Нэнси.

— Ну да, — подтвердил он. — Тут кусты повсюду растут, в основном на землях заповедника. Хорошие деньги. Чем еще в этих краях заниматься.

Лу почесался, потом поднял на меня ласковый взгляд с оттенком нетерпения. Он явно уже принял решение на наш счет и удивлялся, почему мы до сих пор медлим.

— Я так понимаю, это его шенок, и остальные — там, на холме, — продолжил рейнджер. — Папаша вроде мирный и этот тоже ничего, но остальные совсем дикие. Местные волонтеры на той неделе пытались их изловить, но они в руки не даются.

— Старшой мне нравится, — заявил дальнбойщик, потирая шею и подмигивая, как мальчишка.

— Я бы не стал рисковать и его трогать, — предупредил рейнджер. — Это он до поры такой мирный.

— А что может случиться? — Я опять потрепал Лу по голове, вызвав очередную панику среди блох.

— Этот совсем ручной, я гляжу. Думаю, с вами пойдет. Шею только почистить надо и всю шкуру осмотреть: похоже, он где-то на колючую проволоку напоролся.

— Все поправимо. — Нэнси с готовностью встала на защиту Лу.

— Нам до дома четыреста миль, — сказал я. — А его надо к ветеринару. И вообще, он болен.

У меня до этого момента были совершенно иные планы: найти ответственного заводчика, отобрать самого лучшего, здорового щенка, повесить родословную в рамочку и жить долго и счастливо. Я не собирался принимать решение по воле случая, на обочине дороги, в окружении псов-великанов, сбитых оленей, ненормальных дальнбойщиков, плантаций наркоты, киношных рейнджеров — под взглядом ласковых

цыганских глаз, которые вопрошают с немим укором: когда же мы наконец поедem домой?

— Если тебе он не нужен, я заберу. — Водитель как-то странно хохотнул, точно намеревался поджарить Лу на гриле на ближайшей парковке.

Нэнси засмеялась. Она точно знала, что теперь я уже не уступлю.

Здоровенный ротвейлер обильно помочился на асфальт, затем по очереди потянул задние лапы. Я не мог поверить, что Лу вымахает таким же огромным.

— В Уиллитсе есть ветеринар, прямо на въезде в город, — сообщил рейнджер. Он был неспешный, похожий на добродушного медведя. Я запросто мог представить, как он обхаживает собственную потайную конопляную делянку где-то в глуши. — Правда, воскресенье сегодня, и рано еще. Придется вам его разбудить.

Ротвейлер подхватил добычу за шею и поволок по склону в сосновую рощицу на вершине холма. Мощные мышцы перекачивались под лоснящейся черной шкурой. Лу проводил отца взглядом.

— Эх.

— Он бы тебя прикончил, — сказал я.

— Так ты мелкого берешь или нет?

— Ты сам говорил, что хочешь собаку, — напомнила Нэнси. — Поверь, это то, что надо.

У меня было такое ощущение, словно я попался на удочку торговца, который мне впаривает недостроенную квартиру в Бронксе.

— Давай расчистим багажник. — Я сдался, сопротивляться дальше не имело смысла. — И подстелим вниз чехол от палатки.

— Ура! — Она даже подпрыгнула. — И поедem к ветеринару.

— По правой стороне дороги, как заедете в город, — уточнил рейнджер. — Большая такая вывеска сбоку будет: «Лечебница для животных» или что-то в этом роде.

Дальнобойщик затоптал окурок и решительно направился к Лу.

— Славный парень, — проговорил он негромко, согнав блоху и почесывая Лу за ухом. Пару секунд он даже выглядел серьезным и почти трезвым. — Ты, главное, курячьей печенки ему побольше давай! — выпалил он внезапно, вновь в своей прежней дурашливой манере. Потом осмотрелся по сторонам и поплелся через дорогу, обратно к своему грузовику.

Я часто вспоминал об этом дальнобойшике впоследствии. Мы оба искали друга: ему нужен был напарник в кабину, а мне — верный спутник, готовый сражаться за меня с дикарями и смешить меня, если я опечален. Соратник, на которого я всегда мог бы положиться, преданный часовой. Дальнобойщику ничего не оставалось, кроме как продолжить свои поиски, а я благодаря Нэнси своего пса уже нашел.

Удача, совпадение, случайность — как ни назови, — снизошла на меня в первый раз в жизни, приняв обличье блохастой дворняги из Мендосино. Его достойный родитель, куда более мудрый и добросердечный, чем я мог в тот момент предположить, наблюдал из-за деревьев, как я помогал его тощему отпрыску забраться в багажник. Блохи разлетались с него во все стороны, как искры. Так я обрел своего верного друга.

Но блохи, конечно, были сомнительным удовольствием. Наша машина превратилась в блошинный цирк, и до самого Лос-Анджелеса с этим ничего нельзя было поделать. Вернувшись в город, я само собой первым делом устроил насекомым геноцид, залив салон машины самым едким специальным аэрозолем, какой только смог раздобыть. «Хонда» стала стерильно чистой, но еще год в ней нестерпимо воняло и закоптило передние фары. Зато сколько всего я узнал о блохах за эту дорогу! Чудовищные, неимоверно живучие, стремительно плодящиеся мерзкие твари. Спасают только длинные ногти: ими можно рассекать бронированных вражин пополам!

Лу удобно устроился в нашем хэтчбэке сзади, заразив все походное снаряжение и одежду. Он лизнул Нэнси, а затем стал



наблюдать за проплывавшими мимо видами, словно понимал, что никогда больше не увидит места, где прошло его детство.

— Ему нравятся твои носки, — заявила Нэнси.

Я покосился в зеркало заднего вида. Лу лежал, уткнувшись носом в мой шерстяной носок.

— Ценитель редких запахов. — Что еще я мог на это сказать?

Лу проявлял любопытство ко всему, что его окружало, но для бродячего пса оставался на диво спокоен. Таким он будет всегда — невозмутимым, заинтересованным, неравнодушным. Он мог питаться отбросами и уворачиваться от проезжавших по бездорожью машин или жить в центре города, в квартире со всеми удобствами, — для Лу все было едино. Он с детства научился мыслить, приспосабливаться, выбирать свой путь, как это делают волки. И это сделало его таким успешным позднее.

Нам открыл высокий седой мужчина в банном халате. Вытирая рот салфеткой, он смерил нас оценивающим взглядом. Из старого дома доносился соблазнительный аромат кофе. Вместо поводка я использовал веревку, которая нашлась в багажнике, и сейчас позволил Лу подойти к незнакомцу поближе. Тот потрепал пса по макушке, затем перевел взгляд на меня.

— Что, на дороге нашли? — уточнил он.

— В трех милях к югу отсюда.

— Я доктор Смит. Ведите его в смотровую, сейчас подойду.

Он вернулся к нам уже в белоснежном халате, со стетоскопом на шее. Лу обошел комнату по кругу, старательно принюхиваясь и ловя запахи всех животных, что побывали тут до него.

— Сперва взвесьте его, потом давайте на стол, — велел врач и указал на весы, стоявшие в углу. Он вел себя вежливо, но очень по-деловому: кажется, ему не терпелось вернуться к прерванному завтраку.

Лу предстояло встретить еще немало самых разнообразных докторов в своей жизни. Через год он подружился с ак-

